

РУСЛАН СЕМЯШКИН

(Симферополь)

ПАМЯТИ МУСЛИМА МАГОМАЕВА

Великая советская эпоха, так нами в существе своем, что называется, до конца не понятая и не осмысленная, тем не менее, подарила многомиллионному и многонациональному народу уникальную и неповторимую культуру, как явление целостное, многогранное, грандиозное, высоконравственное, патриотичное и призванное будить и воспитывать в человеке все по-настоящему гуманное, человеческое...

Само собой, великую культуру творили большие художники и артисты. И таких было, к счастью, немало.

По-разному сложились их судьбы. Да и популярность, известность у каждого была своя, индивидуальная, ограничивавшаяся при сем определенными рамками.

Но встречались среди них и такие, для кого эти условные рамки практически не существовали, так как их известность была столь значительной, что впору говорить о них уже как о звездах, хотя определение это в советские годы не имело широкого распространения.

Однако и среди звезд выделялись самые выдающиеся, те, кого в Советском Союзе знали, любили и восхищались их творчеством буквально все – независимо от возраста, национальности и рода занятий – будь то студент, рабочий, колхозник, врач, учитель или союзный министр, председатель КГБ и генеральный секретарь ЦК КПСС, также не равнодушные к восприятию подлинного искусства.

Вот таким-то суперизвестным и всенародно любимым артистом, а точнее, кумиром и был непревзойденный Муслим Магомаев, чей восьмидесятилетний юбилей со дня рождения приходится на семнадцатое августа текущего года и о громкой славе которого очень точно высказался известный советский и российский музыковед и музыкальный критик, соавтор великого певца по серии передач на телевидении «В гостях у Муслима Магомаева» Святослав Бэлза: «Звездно сейчас на нашей эстраде. Но, как известно с незапамятных времен, «звезда от звезды разнствует по славе». Редкий же пример настоящего певца, превратившегося в суперзвезду, – Муслим Магомаев, яркость и подлинность дарования которого особенно выделяются на фоне той звездной пыли, что навязчиво пытается прельстить публику мишурным блеском. Мало кто в отечественном эстрадном искусстве мог соперничать по популярности с Муслимом Магомаевым, чей восхитительный баритон, высокий артистизм и душевная щедрость покорили не одно поколение слушателей. Певец никогда не гнался за переменчивой модой, не заигрывал с публикой, но его талант и обаяние завоевали миллионы сердец. Переполненные залы, кордоны конной милиции, море цветов, легенды и сплетни – все это Магомаев вкусил сполна. И притом сохранил истинную скромность, совмещая внутреннее достоинство с трезвостью самооценки».

При сем принципиально важно подчеркнуть и то, что Магомаев сумел не только прославиться, но и славу свою пронести через годы.

И что интересно, слава, известность и все, что с этим связано, никогда над Магомаевым не довели. Не сделали они его ни надменным, ни высокомерным, ни самовлюбленным, ни черствым. Не стал он и эпигоном, так как был артистом исключительной индивидуальности и своим взглядом на искусство, не всегда, кстати, тождественным с официальными его оценками, дававшимися в соответствующих высших инстанциях.

«Надо сказать, он с редким достоинством и артистическим равнодушием нес свою славу, – вспоминала великая Майя Плисецкая. – Никакого кокетства, никакого высокомерия. Хотя слава ему шла, как хороший костюм».

О неординарности и профессиональной значимости Магомаева однажды очень емко высказался и Лев Лещенко, к слову, одноклассник Муслима Магометовича: *«Он появился – светлый, звонкий, лучистый. Принес в нашу жизнь разноцветье. Первым надел жабо, яркие пиджаки. И сдвинул с этой черной тональности всю страну.*

Работа была для него жизнью. Он пел 24 часа в сутки. Если не пел, то сочинял; если не сочинял, сидел за компьютером. Был великолепным музыкантом, композитором, художником. Человек-озарение, наделенный огромными талантами. Он обладал необузданным темпераментом – и он его весь выплеснул в молодые годы. Представьте, тридцать лет на сцене номер один!»

Да, Магомаев действительно был всеобщей знаменитостью, суперзвездой, кумиром ряда поколений, эстрадным исполнителем «номер один» в Советском Союзе, артистом удивительным, потрясающим и бесподобным, умевшим в буквальном смысле завораживать слушателей, которые толпами отправлялись на его концерты, а бывало, как в 1973 году, после его выступления на стадионе «Динамо» смело отвозились даже нести легковой автомобиль вместе с любимым певцом на руках...

И любовь к Магомаеву была столь искренней, лишенной наигранности и вполне естественного желания не отставать от новых веяний и настроений, что и сегодня, по прошествии шестидесяти лет после его триумфального выступления с песней В. Мурадели и А. Соболева «Бухенвальдский набат» на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки, можно лишь восторгаться этой любовью, продолжающей жить в сердцах людей старшего поколения, и, чему нельзя не радоваться, рождающейся у молодых, тех, кто только начинает открывать для себя великого певца и его бессмертное творческое наследие.

Говорю же о такой молодежи не случайно, так как мне не раз, уже после ухода Муслима Магометовича в вечность, приходилось наблюдать восторженное состояние молодых, когда они впервые соприкасались с такими магомаевскими хитами, как «Бухенвальдский набат» В. Мурадели – А. Соболева, «Лучший город Земли» А. Бабаджаняна – Л. Дербенева, «Королева красоты» и «Будь со мной» А. Бабаджаняна – А. Горохова, «Не спеши» и «Чертово колесо» А. Бабаджаняна – Е. Евтушенко, «Сердце на снегу» А. Бабаджаняна – А. Дмоховского, «Благодарю тебя», «В нежданный час», «Позови меня», «Зимняя любовь», «Пока я помню, я живу», «Такая нам судьба дана», «Свадьба» и «Ноктюрн» А. Бабаджаняна – Р. Рождественского, «Верни мне музыку» А. Бабаджаняна – А. Вознесенского, «Серенада трубадура» Г. Гладкова – Ю. Энтина, «Надежда», «Мелодия», «Герои спорта» и «Новый день» А. Пахмутовой – Н. Добронравова, «Синяя вечность» М. Магомаева – Г. Козловского, «Элегия» М. Магомаева – Н. Добронравова, «Весенний край – Азербайджан» М. Магомаева – Н. Хазри, перевод С. Лазарева, с циклом песен «С любовью к женщине» О. Фельцмана на стихи Р. Гамзатова и др.

И, знакомясь с творчеством великого певца, они искренне удивляются, и не только тому, что не слышали его ранее, но и прежде всего тому, что, оказывается, так неповторимо, красиво и выразительно вообще возможно петь...

Вспомнив же лишь некоторые, наиболее известные и любимые народом песни из репертуара Магомаева, а всего их в нем насчитывалось более шестисот, и для более двадцати из которых он был автором музыки, также сочинявшей им и для фильмов, разумеется, мы вспоминаем и авторов этих произведений. Впрочем, писать для такого певца, как Магомаев, готовы были многие, но его взыскательность и требовательность к себе, как исполнителю позволяли ему работать далеко не с каждым. Но то, что он пел песни таких выдающихся мастеров, как Вано Мурадели, Арно Бабаджанян, Оскар Фельцман, Александра Пахмутова, Николай Добронравов, Расул Гамзатов, Роберт Рождественский, Наби Хазри, – было большой его и бесспорной творческой удачей. И песни их, не одно десятилетие бесподобно исполняемые Магомаевым, народом любовно называемые «магомаевскими», и сегодня продолжают жить, радуя слушателей разных поколений и все так же, как и ранее, заряжая их положительными эмоциями и жизнеутверждающим настроением.

О сотрудничестве Магомаева с этими и некоторыми другими композиторами и поэтами можно многое чего интересного рассказать как в профессиональном отношении, так и в плане сугубо человеческих взаимоотношений.

Но, за неимением такой возможности в рамках этих небольших по объему заметок, скажу только о том, что со всеми своими авторами у певца были добрые отношения и он всегда умел находить с ними общий язык.

Они его, что вполне закономерно, также любили, уважали, ценили как профессионального вокалиста, которому было подвластно исполнение даже самых сложных музыкальных произведений, требовавших на сцене полной самоотдачи.

Соответственно, в том числе и тогда, когда Муслима Магометовича уже не стало, они о нем, и прежде всего А. Пахмутова, Н. Добронравов, О. Фельцман, отзывались, подчеркивая его музыкальную феноменальность, артистизм, цементирующий потрясающим голосом, не забывая говорить и о человеческих качествах Магомаева, бывших безупречными, вызывавших и продолжающих вызывать лишь уважение.

И все же, в чем Магомаеву несказанно повезло, в его творческой судьбе были два удивительных автора, песни которых стали визитными карточками певца. Это Арно Бабаджанян и Роберт Рождественский. А всех троих их потом назовут метким и емким словом «триумvirат». И надо сказать, что у троицы сей не было конкурентов тогда и, что и неудивительно, нет и сегодня. На российской эстраде ныне не востребованы такие мастера, куда проще плодить бесталанные и безголосые фальшивки-однодневки. Увы...

А начиналась профессиональная карьера Магомаева с того, что, пережив радость небывалой удачи в Хельсинки, молодому, красивому и стройному исполнителю предстояло заявить о себе уже и в Москве.

«Переломной датой в моей биографии стало 26 марта 1963 года, – писал певец в книге своих воспоминаний «Живут во мне воспоминания». – В Москве проходила Декада культуры и искусства Азербайджана. В столицу съехались лучшие художественные коллективы республики, признанные мастера и начинающая молодежь. Концерты, в которых я участвовал, проходили в Кремлевском Дворце съездов (теперь он называется Государственным Кремлевским дворцом). Первые концерты оставили ощущение неуюта: огромный зал дворца давит, делает тебя меньше и одновременно как бы увеличивает твой голос. Ты сам по себе, а голос сам по себе. Тогдашнего своего волнения я не помню, видимо, у меня не было особого страха перед выступлением. Я был слишком молод, меня еще не знали. Страх перед выступлением пришел позже. Это теперь, несмотря на то, что имею уже большой опыт, я волнуюсь как сумасшедший. Когда приходит известность, появляется имя, тогда появляется и ответственность – ты не имеешь права петь хуже, чем спел вчера. А тогда этого чувства у меня еще не было.

На всех концертах меня принимали тепло. Я пел куплеты Мефистофеля из «Фауста» Гуно, арию Гасан-хана из нашей национальной оперы «Кёр-оглу» Уз. Гаджибекова, песню «Хотят ли русские войны»... Были аплодисменты, которые в огромном зале КДС напоминали отдаленный шум прибоя. Но своей артистической интуицией я не чувствовал какого-то особого успеха. Что-то произошло с залом, когда я вышел на сцену в последнем концерте, который транслировало телевидение. Я спел «Бухенвальдский набат», а затем каватину Фигаро. После каватины, исполненной на итальянском языке, слушатели начали скандировать и кричать «браво». В ложе сидела министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева, рядом с ней Иван Семенович Козловский. Они тоже непрерывно аплодировали.

Я кивнул дирижеру Ниязи, и мы повторили каватину уже на русском языке. Потом в газете «Правда» профессор Р. Захаров написал в рецензии на этот концерт, что я спел по-русски еще лучше, чем по-итальянски».

Впрочем, так как пел Магомаев, не пел на самом деле никто. И ведь, что интересно, он не был единственным и неповторимым баритоном на советской эстраде. Были, конечно же, и другие талантливые и яркие исполнители, обладавшие красивыми и выразительными баритонами и бесспорным талантом. Вспомним хотя бы таких заметных и известных, какими были те же Юрий Гуляев, Анатолий Мокренко, Юрий Богатиков, Иосиф Кобзон, Эдуард Хиль, Сергей Захаров (в последние годы жизни Сергей Георгиевич подготовил ряд песенных программ, посвященных Магомаеву, в рамках которых пел его песни; на одном из таких прекрасных концертов, проходившем в Севастополе лет десять назад, посчастливилось побывать и автору данных строк). И список этот можно было бы продолжить. Главное же в другом – все они прославились, на их концерты народ шел массово и возвращался с этих концертов воодушевленный и с хорошим настроением. Их, вне всякого сомнения, любили, и любовь эта продолжает и сегодня жить в многих-многих сердцах некогда единого советского народа, разделенного тридцать лет назад не по своей воле... Но, все же, Магомаева любили как-то по-особому, и он в этом негласном соревновании лучших и самых голосистых исполнителей советской эстрады шел впереди, при том, что, по большому счету, перед собой такую задачу никогда и не ставил, всецело погружаясь в творчество и берясь за исполнение тех песен, которые были ему близки по духу, настрою, смыслу и содержанию.

Магомаев, чему поспособствовало прежде всего его воспитание, которое взял на себя, вместо погибшего на фронте отца, дядя будущего певца – Джамал-Эддин Магомаев, человек в Азербайджане известный, занимавший в республике высокие государственные должности и пятнадцать лет проработавший представителем Совмина Азербайджанской ССР при Совете Министров СССР, – был в принципе человеком справедливым, гордым, но лишенным гордыни, независимым в суждениях и поступках, привыкшим принимать самостоятельные решения и нести ответственность за них. Чуждо Муслиму Магометовичу было и под кого-то подстраиваться, не тяготел он и к тому, чтобы иметь дополнительные регалии, звания, вес в обществе. Не стремился он и в политику. И даже когда руководство Азербайджанской ССР и лично первый секретарь республиканского ЦК, член Политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиев, который любил Магомаева как сына и которого певец также безмерно ценил, уважал и любил и для которого, как «человека, не приемлющего приказов, лишь слово Гейдара Алиевича было законом», – решили вопрос об избрании певца депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР, он в должной мере это их решение оценить не смог, так всю жизнь и относившись к своему депутатству с нескрываемой иронией.

«Три года подряд мучился! – говорил певец в одном из интервью, отвечая на вопрос о том, как ему приходилось исполнять свои депутатские обязанности. – Я же по характеру неусидчив... Приду, посижу час, пока Гейдар Алиевич выступает, а потом смываюсь, и остальные несколько дней проходят уже без меня.

Один раз вообще на сессию не явился, но, как правило, все-таки приезжал – из уважения к Алиеву. Он мне как-то сказал с укоризной: «Муслим, почему тебя никогда нет в зале? Что это такое? Люди поймут неправильно». – «Гейдар Алиевич, – говорю, – вы же знаете: я не очень хорошо владею азербайджанским языком». – «Ну, знаю». – «Выступают в основном по-азербайджански, а я сижу, только глазами хлопаю. Мне даже по-русски слушать неинтересно, сколько они собрали хлопка, – какое до этого дело?» Он рассмеялся: «Ну, ты хоть вид делай, что все понимаешь».

Я постоянно к нему приставал: тому коллеге-музыканту надо выхлопотать квартиру, этому помочь со званием или загранпоездкой... Алиев однажды признался: «Ты все равно ходишь ко мне, за других хлопочешь – вот я и сделал тебя депутатом, чтобы занимался этим на законных основаниях».

Депутат из Магомаева, как мы видим, не получился. Что и неудивительно, ведь жил Муслим Магометович совершенно другими чаяниями и заботами. Но это никак не значит, что он был совсем аполитичен и происходившие в стране политические события его совсем не волновали. Нет, у Магомаева был свой взгляд на мир и собственное представление о том, каким должно было быть наше большое государство. И оно в его представлении не отождествлялось с диким капитализмом, пришедшим на нашу землю в начале девяностых годов прошлого столетия.

Не вязалось оно в его понимании и с той безнравственностью, бескультурьем, примитивизмом, похабщиной, пошлостью, которые стали тогда массово внедряться в наше сознание, и которые пришли также и на эстраду, представлявшуюся Магомаеву той истинно культурной площадкой, которая по определению призвана нести народу все самое лучшее, талантливое, нравственное, возвышенное.

По всей видимости, в том числе и потому, что не видел себя на новой постсоветской эстраде, ставшей в одночасье шоу-бизнесом, Магомаев однажды просто-напросто возьмет и решительно ее покинет, не считая нужным больше на ней присутствовать и петь то, к чему душа не располагала. Лучше заняться живописью, а Магомаев в действительности прекрасно рисовал, создав целую галерею портретов композиторов, поэтов, писателей и нарисовав Гейдара Алиева, причем «не в строгом костюме с галстуком, то есть без всякого официоза, а в обычной тенниске, улыбающимся», и общаться со своими поклонниками на собственном сайте, скажет себе певец, приняв решение окончательное и, наверно, верное, – уж больно велик стал диссонанс между ним и теми, кто, не имея на то никаких оснований, объявили себя артистами...

Ну, а коль уж речь зашла о многолетнем азербайджанском лидере и о том, как Магомаев к нему относился, приведу такие его слова, все предельно исчерпывающе поясняющие:

«Мое уважение, моя любовь к Гейдару Алиевичу, который по своему искреннему желанию заменил самых близких мне ушедших людей, была таковой, что с его болезнью у меня стало пропадать желание петь. Когда по ТВ по нескольку раз в день повторяли кадры о последствиях его сердечного приступа, его падение с трибуны во время выступления, я испытал настоящий шок.

Мало кому было известно о том, что, когда дорогого мне человека не стало, со мной случился нервный срыв, и я впал в долгую депрессию. Именно по этой причине я не смог полететь в Баку на похороны Гейдара Алиевича. Злые языки <...>принялись болтать, что Магомаев спился. Никому, даже злейшему врагу не пожелаю такого «пьянства». Я долго не хотел выходить на улицу – мне казалось, что за воротами какая-то не просто другая жизнь, другие люди, а другая планета. Там для меня все казалось чужим, незнакомым. Один раз, спустя года полтора, я заставил себя выйти за калитку, обошел по переулкам вокруг нашего дома, зашел с другой стороны двора. Тогда для меня это был почти подвиг. <...>Постепенно дни невеселых раздумий стали посещать меня все реже. Но желание петь ушло...»

Такое отношение к близким людям, старшим по возрасту друзьям и наставникам, да и ко всем другим, кого певец числил в друзьях, для него было естественным. Порядочность, доброжелательность, чувство локтя, постоянство – вот те качества, которые Магомаев сопровождали всегда и без которых его представить, как неповторимую личность, не представляется возможным.

Особо же здесь следует сказать о постоянстве.

Скажите, ну разве Магомаев позволял себе паясничать и выглядеть как-то развязно, непристойно, появляясь перед зрителем в неподобающем ему виде? Или может быть он брался петь что угодно, лишь бы больше заработать и кому-то угодить? Да и как, вообще-то, можно говорить о нем, как о человеке меркантильном, привыкшем пользоваться своими связями, если все, кто с ним общался, знали об обратном? То бишь, о том, что Магомаев никогда и никого не просил ему помогать, как не считал возможным хлопотать о наградах и званиях, считая это недостойным настоящего мужчины.

К слову скажу, что не так-то просто Магомаеву досталось и его высокое звание народного артиста СССР, которого он удостоился, когда ему был всего-то 31 год. А за решение же данного вопроса надо отдать должное настойчивости Г.А. Алиева и добропорядочности Л.И. Брежнева, который, как известно, любил искусство и песенное в том числе, стараясь при сем к настоящим творцам относиться внимательно и их всячески поддерживать.

«...если бы не расположение ко мне Леонида Ильича Брежнева и Гейдара Алиевича Алиева, я бы в свои тридцать с небольшим не получил звания народного артиста СССР. Представил меня к званию Азербайджан, но года два-три дело не продвигалось: у меня оказалось много недоброжелателей, в основном среди чиновников среднего уровня. Простые слушатели меня любили, в «верхах» мне тоже симпатизировали, а вот в Министерстве культуры среди чиновников любовью я не пользовался. Может быть, и зависть здесь сказывалась, и независимость моего характера (и по сей день меня напрасно держат за гордеца), и моя тогдашняя молодость была многим, более солидным артистам поперек горла. Они считали, что у них больше заслуг для получения высокого звания... Так что чиновники встали стеной.

Я понял одну хитрость: чиновник отказывает до тех пор, пока ему не прикажет инстанция, выше которой ничего нет. Понимал это и Гейдар Алиевич. При встрече с Брежневым он сказал: «Муслиму Магомаеву не дают звания народного артиста, тянут уже который год». На следующий день все было подписано...»

Гейдар Алиев, между прочим, желал видеть Магомаева к тому же лауреатом Ленинской и Государственной премий СССР. И возможно, мог бы в этом вопросе артисту, который за этими высокими наградами не гнался, посодействовать. Но в ноябре 1982 года скончался Леонид Ильич, и вопрос о борьбе за присуждение Ленинской премии отпал сам собою...

А когда Комитет по присуждению Ленинских и Государственных премий решил Магомаеву Государственную премию СССР не присуждать, Гейдар Алиевич пожурил артиста: «Почему ты раньше не позвонил мне в Москву?», на что певец ему откровенно ответил: «Мне хотелось, чтобы все было, как положено. Сказали заполнить документы – заполнил, сказали спеть – спел. На программу «Мои любимые мелодии» были хорошие рецензии. Иннокентий Михайлович Смоктуновский написал яркую статью... Никто не сомневался. Почему я должен был вас беспокоить? Зачем давать лишний повод для злых языков: дескать, опять его поддерживает «папа».

Эта позиция Магомаева опять же характеризует его как личность сильную и немелочную, умевшую различать главное от второстепенного.

Вспоминая же тот жизненный эпизод, годы спустя сам певец подведет под ним такую черту: «Потом были уже 80-е годы, перестроечный излом, и все эти звания, регалии, премиальная суета оказались далеко не главным в жизни».

Куда важнее для Магомаева было просто петь. А пел он и впрямь так легко, без надрывов, но при этом с особым шармом, блеском, всегда в идеальной форме, что концерты его проходили только на ура, а выступления артиста в сборных концертах, в том числе и правительственных, становились их украшением.

Прекрасно смотрелся Магомаев и когда выступал совместно со своей музой, выдающейся русской советской оперной певицей, несравненной Тамарой Синявской. Помните, как бесподобно вместе они пели порядком подзабытый ныне шедевр Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Прекрасная, как молодость страна» или всемирно известную «Безмолвную ночь» Франца Грубера и Йозефа Мора? И разве эти их, как и все другие совместные выступления, могли оставить кого-то равнодушным?

Муслим Магомаев и Тамара Синявская были не просто самой звездной парой Советского Союза с трогательной историей о их возвышенной любви и верности друг другу, о которой немало написано и снято документальных передач, фильмов, периодически показываемых по телевидению. Они, мастера вокала высочайшего класса, стажировавшиеся в миланском «Ла Скала», где высоко были оценены их певческие данные и самобытный талант, выступавшие на лучших сценах мира, непревзойденные корифеи, которых слушатели боготворили и не уставали восхищаться их чарующими голосами, грацией и высоким артистизмом, подлинно народные артисты СССР, – давным-давно стали национальным достоянием нашей некогда единой и могучей страны, продолжая таковыми оставаться и для современной России, а также и для всех истинно культурных людей, проживающих в бывших советских республиках. Так было, так будет и впредь!

Однажды отдав предпочтение эстраде, Магомаев, без сомнения, советскую оперную сцену существенно обеднил, хотя совсем уж напрочь от исполнения оперных произведений и не отказался, оставшись на всю жизнь и его страстным поклонником, прекрасно знавшим историю и следившим за современным развитием этого высокого направления вокального искусства. Недаром же, наверное, в спутницы жизни он выбрал Тамару Синявскую, дружен был со многими оперными певцами, имевшими мировую известность и написал книгу о великом Марио Ланца...

Размышляя очередной раз над феноменом личности Магомаева, убеждаюсь вновь в том, как же все-таки многогранно было его творчество и какими поразительными талантами он обладал! Певец, музыкант, композитор, киноактер, художник... и человек... со своим богатейшим внутренним миром, взглядами на жизнь, основывавшимися на высокой нравственности и морали, и на том обширном культурном мировом наследии, веками создававшимся всем человечеством, благодаря ему и поднявшемуся до небывалых доселе высот.

Человек-явление, человек-озарение, человек-глыба. Человек, еще при жизни ставший целой планетой – изумительной, дивной, замечательной, сконцентрировавшей в себе все самое лучшее, что может и должно быть в человеке.

Скажите, неужто о Муслиме Магомаеве возможно все и сразу подробно рассказать? Нет и еще раз нет, тем более, что с этой задачей до сих пор так и не справились ни книги, ни фильмы, ни продолжающий функционировать сайт о нем и его творчестве, ни многочисленные публикации о великом певце. И, в чем нисколько не сомневаюсь, никогда и не справятся, так как слишком масштабной, грандиозной и неповторимой фигурой он был... и остался – в песнях, музыкальных сочинениях, фильмах, книгах, статьях, в бронзе и граните, камне и, что самое главное – в нашей благодарной памяти... Не напрасно же он всем нам – миллионам своих слушателей – тысячи раз напоминал: «Пока я помню – я живу!»